

Из проблематики определения и значения русской идеи (постановка вопроса)

Мариола Окхоткинова

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить¹.

Одним из самых часто используемых терминов как в научных трудах, так и в повседневных беседах о России и явлениях в ней происходящих, является «русская душа», используемая в таком же контексте, как и «русская идея». Интенсивность употребления этого определения указывает на то, что в него вкладывается много смысловых оттенков, не всегда задумываясь над их значением. «Русская душа» становится неким «мешком», в который можно «бросить» всё, что не поддаётся в данный момент логическому рассуждению, что кажется таинственным и загадочным. Тем временем, это понятие имеет очень определённое значение, выработанное известными философами, такими, как Николай Бердяев, Николай Лосский и многие другие. Значение это безусловно очень ёмкое и обширное, но тем не менее можно вникнуть в его суть. Именно такую попытку мы хотим в настоящей статье сделать.

Безусловно, самым известным поэтическим высказыванием о России является цитата, приведённая в качестве эпиграфа к настоящей статье. Сложно было бы найти хоть одну работу, касающуюся этого вопроса, в которой не упоминалось бы знаменитое тютчевское четверостишие. Особенно широкое распространение оно получило в первую очередь, в первой половине XX века, когда после 1917 года на Запад хлынула из России первая волна эмиграции. Русские философы-эмигранты (в том числе, прежде всего, Николай Бердяев, Николай Лосский и Иван Ильин),

---

¹ Ф. Тютчев: *Умом Россию не понять...* В: *Idem: Полное собрание стихотворений*, Ленинград 1987, с. 292.

совершенно шокированные тем, что произошло на их любимой родине, пытались вникнуть в её историю, понять суть менталитета русского народа как единого социума². Они хотели таким образом осмыслить, как от истинно верующего православного народа, подчинявшегося непрекословно идеи самодержавия, можно было дойти до кровавой волны революции, которая опровергнула все возможные, святые доселе идеалы, и заставила покорный народ так же идолопоклоннически, как и раньше, восхвалять новую власть. Что же так сильно изменилось в русском сознании на протяжении всего лишь неполных пяти веков? Ведь когда в 1574 году Иван Грозный, один из самых больших тиранов в русской истории — именно русской, не только российской — отказался от престола, бояре уговорили его вернуться („Rosjanie, dotychczas niemi świadkowie, bierne narzędzia tylu okropności, odzyskują głos, i ten głos ludu, będący rzekomo głosem Boga, wznosi się nagle, by rozpocząć nad utratą takiego tyrana!”³), а когда в 1917 году Николай II отказался от престола, народ не только не попросил государя передумать, но принял это как должное, и приступил с огромным рвением к «Делу Октября».

Именно размышляя над этим и многими другими парадоксами поведения русского народа, Николай Бердяев пишет свой известный труд *Русская идея*, в котором, пытаясь определить, каков был замысел божий по отношению к русской земле⁴, автор исходит из довольно подробного анализа русского характера. В самом начале он делает очень важное замечание: «Есть очень большая трудность в определении национального типа, народной индивидуальности. Тут невозможно дать строго научного определения»⁵. Действительно, сложно назвать анализ Бердяева исключительно научным. Он в нём, правда, исходит из истории и географического положения России, потом только связывая их с философскими идеями, но всё это проходит в духе метафизики и при ещё одном замечании, которое, в свою очередь можно считать как бы продолжением тютчевской мысли: «Для постижения России нужно применить теологальные добродетели веры, надежды и любви»⁶. Эти три ценности, перечисленные именно в таком порядке, очевидным образом вызывают ассоциации с религией и верой, и поэтому это высказывание можно считать ответом на стих Тютчева.

Сделав такие замечания, Бердяев переходит непосредственно к анализу русского характера. Исходя из двух противоположных исторических начал России (языческая стихия и аскетически-монашеское правосла-

² Н. Бердяев: *Судьба России*. Москва 2007.

³ Markiz de Custine: *Listy z Rosji*. Kraków 1989, с. 192.

⁴ См. Н. Бердяев: *Русская идея*. В: Idem: *Судьба России...*, с. 375.

⁵ Ibidem, с. 375.

⁶ Ibidem, с. 375.

вие⁷), он даёт нам самое точное и заодно самое оригинальное, по-нашему, описание русского народа:

Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт⁸.

Пожалуй, именно эта склонность к противоречиям является главной чертой русского народного характера. Она проявится ещё неоднократно в работах Бердяева. Это его определение кажется самым подходящим к четверостишью Тютчева. В такую загадочную, полную противоречий Россию, действительно, можно только верить, как в некую философскую идею, применение же логических правил к столь противоречивому явлению, невозможно. Более того, Бердяев не останавливается на применении таких религиозных понятий, как «теологальные добродетели: вера, надежда, любовь». В своей работе *Судьба России* он и о самой России говорит, употребляя чисто религиозное понятие, т.е. «душа России», что кажется ещё более расплывчатым, чем даже «русская идея».

Что же он, наконец, замечает особенного в этой загадочной русской душе, кроме несметных противоречий? Прежде всего, Бердяев начинает свой анализ русской души и истории развития русской идеи с определения влияния, какое оказало на русского человека географическое положение страны, т.е., огромных просторов русской земли. Бердяев считает, что русская душа так же широка, необъятна и неопишима, как вся бесконечная русская земля. И если в России говорится, что «невозможно объять необъятное», то в первую очередь, это должно касаться русской души.

Но эти огромные просторы в то же время давят на человека, не дают ему возможности саморазвиваться и самосовершенствоваться:

Русская душа подавлена необъятными русскими полями и необъятными русскими снегами, она утопает и растворяется в этой необъятности⁹.

Власть широкой земли над человеком связана и с тем, что русским очень нелегко давалась организация этих пространств, охранение на них порядка и — что за этим следует — построение государственности в за-

⁷ Ibidem, с. 377.

⁸ Ibidem, с. 377.

⁹ Idem: *Судьба России...*, с. 75.

падноевропейском понимании этого слова. Русские власти всегда очень боялись и сторонились проявления какой-либо инициативы со стороны народа — скорее всего именно потому, что не были в состоянии полностью контролировать их развития во всех концах огромной империи. Таким образом, русская государственность «слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала от него смирения»¹⁰.

Знаменательно, что этот парадокс самого свободолюбивого народа, угнетённого в итоге абсолютной властью, был замечен ещё намного раньше, чем Бердяев стал над этим задумываться. Имеем тут в виду Маркиза де Кюстена, который путешествуя в XIX веке по России, записывал в письмах другу все свои наблюдения. Письма эти кажутся нам абсолютно уникальным материалом именно потому, что в те годы не было ещё развито изучение русского характера в такой степени, в какой оно развито сегодня. Сегодня каждый, кто поедет в Россию наблюдать её жителей для изучения русского характера, будет поневоле исходить из различных стереотипов и воображений, выработанных другими учёными. Маркиз же имел малое представление о том, что он увидит, к тому же заметки свои он писал исключительно в личных целях, а не для того, чтобы любой ценой найти подтверждение какой-либо уже готовой теории. Поэтому нам кажется, что объективность и простота этих записей не имеют себе равных в позднейших исследованиях. Хотя, конечно, надо помнить о том, что его точка зрения на этот вопрос — всего лишь одна из многих. Правда, есть русские учёные, которые недооценивают значение этого документа. Дмитрий Лихачёв, например, пишет прямо: «Следует искать лишь реальные недостатки, а не вымышленные. Не у маркиза де Кюстина, пребывавшего в России чуть больше двух месяцев, учиться нам воспринимать Россию!»¹¹, но на это можно ответить лишь несколько ироническим вопросом: не потому ли Лихачёв отрицает значимость этого документа, что в нём можно найти слишком много правдивых, хотя и грустных иногда заметок? Ведь можно не без оснований сказать, что как раз суждения иностранца, не ознакомленного ни с какими философскими теориями, касающимися русского народа (работы Бердяева, Лосского и других появились намного позже), могут быть вполне объективными. Де Кюстен совершенно свободно и непринуждённо наблюдает всё, что видит в России: её обычаи, повседневную жизнь и, безусловно, взаимоотношения между властью и народом. Делает он по этому поводу очень интересное замечание:

¹⁰ Ibidem, с. 79.

¹¹ Д. Лихачёв: *О национальном характере русских*. «Вопросы философии» 1990, № 4, с. 4.

[...] zastanawiam się wciąż, czy to charakter narodu ukształtował samowładztwo, czy też samowładztwo ukształtowało rosyjski charakter [...]. Wydaje mi się jednak, że ten wpływ jest wzajemny: ani ustrój rosyjski nie powstałby nigdzie poza Rosją, ani Rosjanie nie staliby się tym, czym są, w innym ustroju niż ich własny¹².

Сложно не согласиться с такой точкой зрения. В какой-то степени даже невозможно не заметить некоей логики в этой ситуации, которая на первый взгляд выглядит несколько парадоксально. Ведь именно крайнее свободолобие русского народа стало причиной развития абсолютной власти. Одновременно, если бы его власть не была абсолютной, он бы так высоко не ценил свободу, которая при этой власти кажется ему запретным фруктом, который — как известно — слаще всех остальных.

Таким образом, русский человек, осознавая невозможность подчинить себе свою необъятную землю, и чувствуя непреодолимые препятствия при каждой попытке предпринять собственную инициативу, которую из покон веков мгновенно подавляла власть, стал — даже сам этого не замечая — развивать целый ряд себе только свойственных отрицательных качеств и недостатков: «Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны»¹³. По мнению Бердяева, отсутствие индивидуальности каждой личности, которая могла бы проявить ту самую инициативу, влиять на историю и нести ответственность за выбранный собою образ жизни, связано также с тем, что в русской истории не было рыцарства, которое именно «создаёт закал личности»¹⁴. Это отсутствие мужественного начала связано и с тем, что он сам называет «вечно бабьем» в русской душе, т.е., полной пассивностью и бездеятельностью: «Великая беда русской души [...] в женственной пассивности, переходящей в «бабье», в недостатке мужественности, в склонности к браку с чужим и чуждым мужем»¹⁵.

Получается, что всё: отсутствие рыцарства в формировании истории, женственная пассивность, неумение организовать освоенные пространства, а также полное, непрекословное подчинение власти, связаны неразлучно в один гордиев узел. Всё это не просто философские идеи и размышления, а конкретные проблемы, которые имели непосредственное влияние на развитие истории в России. Знаменательно, что «русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство — это «они», а не «мы». [...] Русский народ всегда любил жить в тепле

¹² Markiz de Custine: *Listy z Rosji...*, с. 46.

¹³ Н. Бердяев: *Судьба России...*, с. 77.

¹⁴ Ibidem, с. 17.

¹⁵ Ibidem, с. 55.

коллектива, в какой-то растворённости в стихии земли, в лоне матери»¹⁶. Наверное, именно поэтому. политический переворот, который с такой силой подавил на долгие годы весь народ, как это случилось в 1917 году в России, мог случиться только там. Очень немногие считали себя обязанными служить дальше своим прежним идеалам, большинство подчинилось течению истории, снимая с себя полностью ответственность за судьбу своей родины. Это свойство русского характера проявлялось и позже, в эпоху сталинского террора, когда люди были полностью убеждены, что за массовые расстрелы, преследования и ссылки в ГУЛАГ отвечают некие «они», которые не имеют никакой связи ни со Сталиным, ни с властью вообще, ни — тем более — с народом. Только потом, много лет спустя, нередко уже в эмиграции, люди задумывались: как это всё-таки было возможно? И озадачивали себя вопросом: так кто, в конце концов, несёт за это ответственность?

Мы без конца проклинаям товарища Сталина, и, разумеется, за дело. И всё же я хочу спросить — кто написал четыре миллиона доносов? (Эта цифра фигурировала в закрытых партийных документах.) Дзержинский? Ежов? Абакумов с Ягодой? Ничего подобного. Их написали простые советские люди¹⁷.

Но сразу после этого следовало оправдание: «Означает ли это, что русские — нация доносчиков и стукачей? Ни в коем случае. Просто сказались тенденции исторического момента»¹⁸. То есть, получается, невозможно отвыкнуть от этой чисто русской привычки обвинять за все ошибки внешние и независимые от человека обстоятельства.

И так, первой важной чертой русского характера, которую нам удалось вычислить на основе работ Бердяева, является склонность к противоречиям, которые в поведении русского человека встречаются почти повсеместно. Эта черта является как бы канвой, на которой запечатляются очередные черты, доведённые до парадоксальности. Одна из них, связанная с самым большим комплексом и внутренним противоречием всех русских людей — это противостояние Востока и Запада. Россия колеблется и напрасно пытается определить, что в ней преобладает: европейское или азиатское начало, не понимая, что на самом деле, «Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира»¹⁹. Причём, Россия, всё-таки, предпочитала бы, чтобы её считали более западной страной, своего восточного начала она почти стыдится, пытается его в себе подавить и надеется на то, что если она будет скрывать

¹⁶ Ibidem, с. 17.

¹⁷ С. Довлатов: *Зона*. В: Idem: *Собрание прозы*. Т. 1, с. 87.

¹⁸ Ibidem, с. 87.

¹⁹ Н. Бердяев: *Русская идея...*, с. 6.

свои восточные черты, её все станут мысленно отождествлять с Западом. В какой-то степени это может даже казаться смешным: „Ta nieszczęsna opinia Europy jest widmem, które ich prześladowuje w najgłębszej ich myśli i sprowadza dla nich cywilizację do poziomu sztuki cyrkowej, wykonanej mniej lub bardziej zreżcznie”²⁰. Это свойство русских людей замечают не только иностранцы. Их соотечественники тоже не однократно возвращались к этой проблеме, говоря об этом даже с негодованием: «Я не знаю другого большого народа в мире, который так холуйствовал бы перед всем западным и был так враждебен к своим гениям, которые могли бы стать национальной гордостью и точками роста именно социального прогресса»²¹.

В этом заключается очередной парадокс. С одной стороны, русскому человеку совсем чужд шовинизм, «Русские почти стыдятся того, что они русские; [...] Русский не выдвигается, не выставляется, не презирает других»²² (именно потому, что стыдится своего восточного начала). Но, с другой стороны, Бердяев чуть дальше пишет, что для этого тезиса существует и антитезис, который заключается в том, что Россия — самая националистическая страна в мире («Обратной стороной русского смирения является необычайное русское самомнение. Самый смиренный и есть самый великий, самый могущественный, единственный признанный»²³). «Механизм» этого противоречия мы рассмотрим чуть позже, когда будем говорить о крайностях и обратных сторонах русского характера. Сейчас хочется с полной ясностью заметить, что, по вполне обоснованному мнению философов, попытки России подавить в себе своё азиатское начало совершенно напрасны: „Trudno i darmo, Moskwa zawsze będzie mieć więcej z Azji niż z Europy. Duch Wschodu unosi się nad Rosją, której się nie udaje, kiedy zaczyna naśladować Zachód”²⁴. Тут очередное меткое замечание принадлежит тому самому маркизу де Кюстен, мысли которого с таким презрением прокомментировал Лихачёв. Однако, если Лихачёв по каким-то причинам считал наблюдения маркиза недостойными внимания или субъективными, то он должен был в то же самое время заметить, что в некоторых аспектах даже Бердяев вполне согласен с маркизом. Он замечает почти ту же самую закономерность, и отличается от маркиза лишь тем, что для него это свойство русских людей ещё более парадоксально. Ведь при каждой попытке России представиться страной западноевропейской, она всё сильнее обнажает своё восточное начало:

²⁰ Markiz de Custine: *Listy z Rosji...*, s. 105—106.

²¹ А. Зиновьев: *Русская трагедия*. Москва 2008, с. 500.

²² Н. Бердяев: *Судьба России...*, с. 19.

²³ *Ibidem*, s. 21.

²⁴ Markiz de Custine: *Listy z Rosji...*, s. 73.

И где же можно найти настоящее обоготворение Западной Европы и западноевропейской культуры, как не в России и не у русских? Отрицание России и идолопоклонство перед Европой — явление очень русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души²⁵.

Получается, что для того, чтобы отречься от этой тёмной, хаотической стихии Востока, России следовало бы, прежде всего, отказаться от бесконечного подражания Европе, то есть, найти свой собственный путь развития, соответствующий только русскому характеру. Но, как мы уже показали, это тоже невозможно, так как русский человек не в состоянии взять на себя ответственность за свою судьбу и принять какое-то конкретное решение. Это связано ещё и с безрезультатным стремлением к духовному высшему идеалу, которое является единственной мнимой деятельностью русского человека, на которой необходимо остановиться немного подробнее.

Бердяев пишет также и о том, как русские вообще относятся к идеям, а к религиозным идеям — в особенности. Оказывается, что это непосредственно связано с образом жизни русских, с их отношением к свободе и с повседневной действительностью, в которой им приходится жить. Бердяев считает, что русский человек, по сути своей, склонен к крайностям. Некоторые учёные связывают это явление с отсутствием в православии догмы о существовании чистилища:

Православная традиция не знает Чистилища как особой (наряду с Раем и Адом) духовной субстанции. Отсутствие этого «промежуточного» топоса чрезвычайно значимо: русская картина мира базируется на системе координат бинарной православной ментальности. Отсюда вытекают особый этический максимализм («либо всё, либо ничего»), [...] неудовлетворённость частичным (промежуточным успехом)²⁶.

Таким образом, русские отказываются от среднего в каждой области, ибо для них весь мир можно поделить только на добрых и злых людей, вернее даже на святых, которые достигнут Царства Небесного, и на непростительных грешников, которые будут вечно страдать в аду. Робение перед идеалом святых привело к тому, что русский человек не считает нужным стремиться к непостижимому идеалу, опять ожидая, что всё будет за него решено свыше:

Когда русский человек религиозен, то он верит, что святые или сам Бог всё за него сделают, когда же он атеист, то думает, что всё за него должна сделать социальная среда²⁷.

²⁵ Н. Бердяев: *Судьба России...*, с. 69.

²⁶ И. Есаулов: *Чистилище*. В: *Idee w Rosji. Leksykon rosyjsko-polsko-angielski*. Red. A. de Lazari. Łódź 2000, T. 2, с. 386.

²⁷ Н. Бердяев: *Судьба России...*, с. 91.

Тут опять вспоминается проблема женственной пассивности русских и то, что «Духовная работа над формированием своей личности не представляется русскому человеку нужной и пленительной»²⁸.

Казалось бы, что формирование своей личности может быть ненужным только для человека бесхарактерного, который не стремится к высоким идеалам. Тем временем, русский человек требует именно только самых возвышенных идеалов во всём: в любви, в свободе, в доброте, в государственности, в жизни вообще. Его не интересует длинная, мучительная дорога совершенствования идеала, его пленит только окончательный, самый возвышенный результат. Но чем выше его идеалы, тем меньше у них шансов на воплощение в жизнь. Они обречены на то, чтобы закончить своё существование уже на начальном этапе восхищения их возвышенностью. Как только русский человек замечает, что он не может их постичь — так как невозможно постичь идеал — он их сразу отталкивает. Но с другой стороны, так как ему требуется только абсолютное, то «обыкновенные», жизненные идеалы его не интересуют:

Всякий человеческий идеал совершенства, благородства, чести, честности, чистоты, света представляется русскому человеку малоценным, слишком мирским, средне-культурным. И колеблется русский человек между началом звериным и ангельским, мимо начала человеческого. Для русского человека так характерно это качание между святостью и свинством²⁹.

Вот, собственно, откуда берётся эта русская склонность к крайностям в каждом проявлении жизни, которую, по-нашему, Бердяев заключил в одном простом предложении, сказав, что русским народом «можно очароваться и разочароваться, от него всегда можно ждать неожиданностей, он в высшей степени способен внушать к себе сильную любовь и сильную ненависть»³⁰. Эта постоянная противоречивость, вероятно, и есть причиной того, что многие считают русскую душу неразгаданной и таинственной.

Хотя бердяевское определение отличительных черт русского характера (несмотря на то, что у него это вплотную перемешано с понятиями «русская идея» и «русская душа», но об этом мы напишем позже) кажется нам самым полным и хрестоматийным, всё же хочется сказать хоть несколько слов и о других точках зрения на эту проблему. Тем более, что например труд Николая Лосского «характер русского народа» является не менее значимым и поможет нам ещё глубже проникнуть в суть описываемых Бердяевым черт русского характера.

²⁸ Ibidem, с. 91.

²⁹ Ibidem, с. 89.

³⁰ Н. Бердяев: *Русская идея...*, с. 6.

Подход Лосского к данной проблеме отличается от бердяевских размышлений главным образом тем, что Бердяев формирует свои суждения на основе собственных размышлений, которые иногда только являются контраргументацией против чьих-то других трудов, например, Розанова или Горького, но и то не всегда. Лосский, в свою очередь, все свои суждения опирает на мнения других философов, а также ссылается на произведения русской художественной литературы. Сразу в начале своей работы, он уточняет, что

Пытаясь дать характеристику русских людей, приходится говорить [...] о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у русских [...]. Эти общие свойства представляют собою нечто вторичное, производной из индивидуальной сущности каждого отдельного лица, но всё же они [...] дают представление о том, с какими чертами характера чаще всего можно встретиться в среде данного народа³¹.

Это замечание важно тем, что оно показывает, насколько сложной темой является исследование народного характера как единого целого, так как в каждом народе есть разные индивидуальности, и впечатление от общения с народом в целом зависит чаще всего от случайной совокупности отдельных личных опытов.

Лосский, на самом деле, не делает выводов ярко противоречащих теории Бердяева. Его замечания насчёт русского народного характера сводятся, в принципе, к двум главным чертам: во-первых, к доброте, про которую он пишет, что это «одно из основных свойств русского народа»³², а также к постоянным поискам абсолютного добра, которые он считает источником «разнообразия опыта и разносторонности упражнения различных способностей»³³. Во-вторых, философ, среди главных черт русского характера, называет склонность к крайностям и связанное с этим наличие обратных, отрицательных сторон, которыми обладают все, даже самые положительные, черты русского народа.

Русскую доброту Лосский называет «свободной от сентиментальности, [...] от наслаждения своим чувством, и от фарисеизма»³⁴, то есть, считает её самой чистой, возвышенной склонностью, которая вытекает из чистого сердца, не задумываясь о награде мирской или Божьей. Она не терпит ни лицемерия, ни этикета, её невозможно подавить, она и есть самое искреннее чувство, которое является основой этого типично русского способа жизни, названного Толстым в *Анне Карениной*, «Жизнью по сердцу». Лосский пишет, что именно она «создаёт открытость души

³¹ Н. Лосский: *Характер русского народа*. Москва 1990, книга первая, с. 3.

³² Ibidem, книга вторая, с. 6.

³³ Ibidem, с. 20.

³⁴ Ibidem, с. 6.

русского человека и лёгкость общения с людьми, простоту общения, [...] без внешней привитой вежливости, но с теми достоинствами вежливости, которые вытекают из чуткой естественной деликатности»³⁵.

Однако, хотя нельзя не согласиться с тем, что эта доброта всегда искренне чиста, она, тем не менее, иногда ведёт к странному парадоксу, «побуждает [...] лгать вследствие нежелания обидеть собеседника, вследствие желания мира, добрых отношений с людьми во что бы то ни стало»³⁶. Получается, что, сколько бы мы не говорили о искренности русского человека, об открытости души и лёгкости общения, мы должны помнить, что именно ради этой лёгкости, мы можем быть порой обмануты и введены в заблуждение. Это и есть очередная отрицательная сторона положительной черты русского характера.

Ещё один такого рода парадокс Лосский замечает, когда он подробно анализирует явление лености русского народа. При этом он опять исходит из самых возвышенных целей русского человека, которые потом терпят крушение в столкновении с реальной действительностью. Это касается почти каждого дела начинаемого русским человеком, который, как было уже неоднократно сказано, стремится во всём к высшей степени идеала. Но как только он обнаруживает какие-либо трудности в выполнении поставленной себе задачи, он тут же сдаётся и оставляет дело недоделанным:

Отсюда часто возникает охлаждение к начатому делу и отвращение к продолжению его; замысел и общий набросок его часто бывает очень ценен, но [...] неизбежные несовершенства отталкивают русского человека [...]. Таким образом, обломовщина есть во многих случаях обратная сторона высоких свойств русского человека — стремления к полному совершенству³⁷.

В этом высказывании есть, заодно, и объяснение, почему существует мнение, что русские — народ довольно неряшливый, ведь сами же русские «сами иногда говорят о себе: «мы — кое-какие»³⁸. Причём, это мнение присуще не только философам, или — наоборот, простому народу. Его разделяют и представители высоких слоев общества, в совершенно неспровоцированном никем повествовании. Вот, например, Екатерина Сайн-Витхенштейн, русская аристократка, молодость которой прошла в бурные годы большевистского переворота, пишет в своем дневнике:

My Słowianie nie jesteśmy zdolni do żadnego wysiłku! [...] w moim otoczeniu widzę te charakterystyczne słowiańskie cechy — lenistwo i brak wiary we własne siły. [...]

³⁵ Ibidem, с. 7.

³⁶ Ibidem, с. 7.

³⁷ Ibidem, с. 42.

³⁸ Ibidem, с. 42.

Każdy z nas to słomiany ogień. W porywie [...] jesteśmy zdolni do wszystkiego, ale zaraz potem zapal stęgnie, energia znika — i znów nie stać nas na nic³⁹.

И хотя речь тут идёт о славянах, понятно, что это во многом относится к русским. Автор не задумывается над тонкостями отличия русских ото всех славян, но всё же чувствует, что это какая-то отличительная черта, которая не относится к западноевропейским народам, с которыми русские так упорно себя сравнивают. Однако, прежде, чем осуждать русских за эту черту, надо всё-таки вспомнить, что черта эта имеет и положительную сторону: это не просто леность как таковая, а несогласие на несовершенство в каком-либо деле — независимо от того, насколько карикатурной, в конечном итоге, эта черта оказывается в повседневной жизни. И ещё весьма важным кажется тот факт, что русские, по крайней мере, очень хорошо осознают свои национальные недостатки и говорят о них в открытую, часто доходя в этом — как и во всём остальном — до крайностей. Нам, лично, неоднократно доводилось слышать от русских, что они слишком иронично подходят сами к себе и издеваются над своим характером намного больше, чем это делают в других странах. То есть, опять наблюдается привычка русских оборачиваться на другие народы и проверять, не выглядят ли они смешно в их глазах. Метко подытожил это маркиз де Кюстен: „Zdumiony jestem przesadnym niepokojem Rosjan o opinię cudzoziemców. Cóż za niezwykły brak niezależności!”⁴⁰. Возможно, если бы русские так не переживали за свой образ в глазах иностранцев, они бы наконец сами заметили в себе многочисленные положительные черты и научились бы их в себе развивать — причём последовательно, а не бросая этот процесс, едва его начав.

Наконец хотелось бы окончательно разделить все понятия, которые многие исследователи употребляют совершенно свободно, не задумываясь над различиями между ними. Речь идёт о понятиях «русский характер», «русский менталитет», «русская идея» и «русская душа». Это смешение берёт своё начало во время, когда Бердяев написал оба своих, цитируемых в настоящей работе, труда. В самом начале *Русской идеи*, он пишет: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько [...] умопостигаемый образ русского народа, его идея»⁴¹. То есть, для него «русская идея» — это нечто наподобие гегелевского духа, который идёт через века и самосовершенствуется. Это понятие — философское, которое, в принципе, не поддаётся никаким конкретным определениям, так как оно у Бердяева просто чувствуется,

³⁹ K. Sayn-Wittgenstein: *Koniec mojej Rosji. Dziennik 1914—1919*. Warszawa 1998, s. 294.

⁴⁰ Markiz de Custine: *Listy z Rosji...*, s. 28.

⁴¹ Н. Бердяев: *Русская идея...*, с. 5.

и — по его собственным словам — к нему нужно применять только телогальные добродетели.

Кроме понятия «русская идея», в его сочинениях можно зачастую встретить и такой термин, как «русская душа», определение которому он, по сути дела, не даёт. В контексте своих философских размышлений, Бердяев употребляет его как некую совокупность свойств и поведений, характерных для русского народа, то есть, в принципе, схожее с тем, что мы называем «русским характером».

На самом деле, использовать сегодня понятие «русская душа» или «русская идея», не давая им никакого научного определения, довольно сложно, так как они слишком расплывчаты. Эта расплывчатость и неоднозначность могут зачастую вести к тому, что все необъяснимые черты характера одиночных людей можно подкреплять под загадочную русскую душу. Это ведёт к созданию стереотипов, чего, безусловно, следует избегать. Именно поэтому учёные стараются уходить от этого понятия, заменяя его такими терминами, как «русский характер» или «русский менталитет». Юрий Вьюнов, известный исследователь русского культурного архетипа в книжке под именно таким названием сформулировал очень чёткое определение русского народного характера, подразумевая под нём «совокупность наиболее устойчивых, основных для данной национальной общности особенностей восприятия окружающего мира и форм реакций на него, прежде всего определённых эмоционально-чувственных явлений»⁴².

Таким образом, «русская душа» и «русская идея» перестают быть обиходными, стереотипными понятиями, а становятся понятиями очень определёнными, связанными с конкретным культурным, историческим и философским контекстом, который является единственным правильным для их употребления. Никто никогда не будет опровергать фундаментальность анализа и размышлений Бердяева, и все учёные, которые занимаются русским характером, несомненно всегда будут исходить из его замечаний, но при этом использовать уже намного более научный, определённый термин.

---

⁴² Ю. Вьюнов: *Русский культурный архетип. Страноведение России*. Москва 2005, с. 224.

Mariola Okhotkinova

**Z PROBLEMÓW KONKRETYZACJI
I ZNACZENIA POJĘCIA „ROSYJSKA IDEA”
(ZARYS ZAGADNIENIA)**

Streszczenie

Niniejszy artykuł poświęcony jest analizie pojęcia „rosyjska idea”, a także próbie oddzielenia go od takich pojęć, jak „dusza rosyjska” czy „charakter rosyjski”. Autorka podejmuje próbę wyjaśnienia historycznego kontekstu powstania terminów „dusza rosyjska” i „rosyjska idea”, ukutych na początku XX wieku przez Mikołaja Bierdiajewa. Następnie przechodzi do analizy tego, co Bierdiajew określał za pomocą tych terminów. W ten sposób omówione zostają takie cechy Rosjan, jak skłonność do skrajności, brak społecznej inicjatywy czy wewnętrzne sprzeczności. Wszystko to — jak dowodzi autorka — Bierdiajew wyprowadza bardzo konsekwentnie z historii powstawania państwowości rosyjskiej, z braku rycerstwa w formułowaniu świadomości społecznej, a także z bezkresnych rosyjskich przestworzy, które z jednej strony wywołują zamiłowanie do nieograniczonej swobody, a z drugiej strony stawiają wiele przeszkód przy każdej próbie zapanowania nad nimi. Wszystkie te cechy i okoliczności płynnie przeplatają się z eurazjatyzmem Rosji.

Słowa klucze: rosyjska dusza, rosyjska idea, Bierdiajew

Mariola Okhotkinova

**ON PROBLEMS OF CONCRETIZATION AND MEANING
OF THE NOTION “RUSSIAN IDEA”
(AN OUTLINE OF THE ISSUE)**

Summary

This article is devoted to analysis of the notion “Russian idea” and to attempt of the sublation of it from such notions, as “Russian soul” or “Russian character”. The author is taking the attempt to explain the historical context of the coming into existence of dates “Russian soul” and “Russian idea”, introduced by Nikolai Berdyaev at the beginning of the 20th century. Next she proceeds to analysis of what Berdyaev understood by these terms. This way she comments on such characteristics of Russians as tendency to the extreme, lack of the social initiative and internal contradictions. All this — according to the author’s theory — Berdyaev is extracting from the history of coming into existence of the Russian statehood, from lack of knighthoods in the formulation of social awareness, and from boundless Russian expanses which from one side are calling the avocation for the unrestricted freedom, but from the other side are also creating a lot of obstacles at every attempt to control them. All these features and circumstances are smoothly alternating with Eurasianism of Russians.

Key words: Russian soul, Russian idea, Berdyaev